

*На правах рукописи*

**Мальчакитова Наталья Юрьевна**

**БАЗОВЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ  
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ И РУССКИХ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Улан-Удэ – 2014

Работа выполнена на кафедре языков коренных народов Сибири  
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

**Научный руководитель:** **Афанасьева Елизавета Федоровна**  
кандидат филологических наук, доцент,  
заведующая кафедрой языков коренных  
народов Сибири ФГБОУ ВПО «Бурятский  
государственный университет»

**Официальные оппоненты:** **Быкова Гульчера Ваховна**  
доктор филологических наук, профессор,  
директор Центра лингвистики и межкуль-  
турной коммуникации ФГБОУ ВПО «Бла-  
говещенский государственный педагогиче-  
ский университет»

**Берелтуева Дарья Муханаевна**  
кандидат филологических наук, доцент, за-  
ведующая кафедрой журналистики ФГБОУ  
ВПО «Дальневосточный государственный  
гуманитарный университет»

**Ведущая организация:** **Институт гуманитарных исследований и  
проблем малочисленных народов Севера  
(г. Якутск) СО РАН**

Защита диссертации состоится 26 декабря 2014 г. в 15 ч 30 мин на засе-  
дании диссертационного совета Д 212.022.05 по защите диссертации на  
соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени  
доктора наук в ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»  
по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ  
ВПО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000,  
г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, ба.

Автореферат разослан «\_\_» \_\_\_\_\_ 2014 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета

Санжеева Лариса Цырендоржиевна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа выполнена в русле современных лингвокультурологических исследований взаимосвязи языка, сознания и культуры и посвящена исследованию эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» и сопоставлению их с русскими концептами «судьба», «счастье» и «душа».

**Актуальность** темы исследования характеризуется следующим:

Лингвокультурный подход к исследованию языка является актуальным в современной лингвистике. Проблематика лингвокультурологического исследования концептосферы эвенкийского языка разработана недостаточно. Вопросы, связанные с выделением, классификацией, научным исследованием лингвокультурных концептов на материале эвенкийского языка, в рамках монографии и диссертации ранее не исследовались.

Счастье, судьба и душа являются базовыми категориями человеческого бытия. Поэтому концепты «судьба», «счастье» и «душа» требуют специальных исследований. Понятийная, оценочная и образная составляющие исследуемых концептов зависят от этнических особенностей носителей конкретной лингвокультуры, поэтому возникает потребность в лингвокультурологическом исследовании данных концептов на материале разных языков, не похожих генетически и типологически.

Эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» как базовые компоненты национальной культуры эвенков являются необходимыми для понимания особенностей национального характера. Кроме того, специальных исследований данных лингвокультурных концептов в эвенкийском языке нет. Опыт изучения этих ключевых концептов в лингвокультуре двух этносов открывает новые перспективы современных исследований в области эвенкийского языка в русле антропологической парадигмы.

Выбор концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» обусловливается тем, что они являются национально-специфичными и взаимосвязанными между собой. Они служат ключом к пониманию мировоззрения эвенков.

**Объектом** исследования являются эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в сопоставлении с русскими «судьба», «счастье» и «душа».

**Предметом** исследования послужили содержательные характеристики исследуемых концептов на материале эвенкийского и русского языков.

**Цель** настоящей работы – комплексное исследование эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в языковой картине мира эвенков и сопоставление их с русскими «судьба», «счастье» и «душа». Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) рассмотреть теоретическую базу исследования; 2) описать представления эвенков о *маин*, *куту* и *оми* и сопоставить их с русскими эквивалентами «судьба», «счастье» и «душа»; 3) определить и охарактеризовать ключевые средства объективации эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» и сопоставить их со средствами объективации русских «судьба», «счастье» и «душа»; 4) установить национально-культурную специфику исследуемых концептов в эвенкийской языковой картине мира и сопоставить ее с русской; 5) обозначить место данных концептов в языковой картине мира эвенков.

**Теоретической базой** проведенного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, разработанные в русле следующих научных направлений: концепции языковой картины мира (В. фон Гумбольдт, Ю. Д. Апресян, Д. С. Лихачев, В. Н. Телия и др.); лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев и др.); когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова и др.).

В данном диссертационном исследовании использовались **методы** компонентного, логико-понятийного и контекстуального анализов, метод интервью, интерпретационный метод, метод сплошной выборки.

**Материалом** исследования послужили полевые исследования (тексты, записанные автором от носителей эвенкийского языка) в период с 2010 по 2013 г. в местах компактного проживания эвенков (Забайкальский край, республики Бурятия и Якутия, Иркутская, Амурская области, Красноярский край, КНР), извлечения из памятников фольклора и художественной литературы эвенков, данные сплошной выборки из толковых, двуязычных, фразеологических словарей, словарей синонимов русского языка, из сборников пословиц и поговорок.

В период исследования с 2010 по 2013 г. автором были совершены экспедиции в Забайкальский (Каларский район, с. Кюсть-Кемда) и Красноярский края (Эвенкийский район п. Тура, с. Ванавара), республики Бурятия (Курумканский район, с. Алла, с. Улюнхан) и (Саха) Якутия (Олёкминский район, с. Тяня и Нерюнгринский район, с. Иенгра), Иркутскую (Катангский район, с. Хамакар) и Амурскую области (Тындинский район, с. Усть-Нюкжа), КНР (г. Хайлар, г. Нантунь).

В результате данных экспедиций собран авторский архив исследования, состоящий из кратких биографий и фотографий информантов, видео- и аудиозаписей. Все записи хранятся на кафедре языков коренных народов Сибири Бурятского государственного университета.

**Научная новизна** диссертационной работы заключается в том, что впервые проведено сопоставительное исследование концептов «судьба», «счастье» и «душа» на материале эвенкийского и русского языков.

**Теоретическая значимость** исследования состоит в развитии лингвоконцептологии: расширяя список изученных базовых концептов на материале эвенкийского и русского языков, работа создает перспективу для описания в дальнейшем концептосферы данных языков.

**Практическая значимость** настоящего исследования состоит в том, что языковой материал, положения и выводы диссертации могут использоваться в лекционных материалах, практических занятиях по общему языкознанию, лингвоконцептологии, лексикологии и теории межкультурной коммуникации, при разработке тематики дипломных и курсовых работ, а также в практике преподавания эвенкийского и русского языков. Результаты проведенного исследования могут выступать в качестве базы при разработке спецкурсов, спецсеминаров в вузовской системе преподавания эвенкийского и русского языков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Представления эвенков о *маин*, *куту*, *сицкэн* и *оми* обладают сложностью и многогранностью, являются ключевыми в эвенкийской национальной традиции. Они выражают отношения человека и окружающей действительности.

2. Эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» присутствуют в мифологических, религиозных и этических системах. Они обладают универсальными и национально-специфическими чертами.

3. На формирование эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» и русских «судьба», «счастье» и «душа» на начальном этапе значительное влияние оказало язычество.

4. В эвенкийской языковой картине мира наблюдается тесная взаимосвязь концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в отличие от русских «судьба», «счастье» и «душа». Эта взаимосвязь в эвенкийской языковой картине мира обусловлена, прежде всего, шаманизмом и анимистическими воззрениями.

**Апробация работы.** Основные положения диссертации и полученные результаты обсуждались на международных («Студент и научно-технический прогресс», Новосибирск, 2007, 2008, 2010; «Интеллекту-

альный потенциал XXI века: ступени познания», Новосибирск, 2012), всероссийских («Молодежь и наука XXI века», Красноярск, 2006; «Русский язык в полиэтнической образовательной среде: проблемы преподавания и функционирования», Санкт-Петербург, 2007), региональных («Языковая картина мира Байкальского региона», Улан-Удэ, 2009; «Кирилло-мефодиевские чтения», Улан-Удэ, 2013) конференциях.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры языков коренных народов Сибири Национально-гуманитарного института ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». По теме исследования опубликовано 13 статей, из них три статьи в журналах списка ВАК.

**Объем и структура диссертационного исследования.** Общий объем диссертации – 197 страниц, из них 157 – основной текст. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения и списка условных обозначений.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы ее цели и задачи, определены объект и предмет исследования, описаны методологическая база, материалы, методы исследования, структура, содержание и апробация работы, изложены положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Концепт как компонент языковой картины мира»** обобщаются теоретические сведения по лингвокультурологии, анализируются основные понятия, в рамках которых проводится анализ эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» и сопоставление их с русскими «судьба», «счастье» и «душа».

Развитие современной лингвистики ознаменовалось распространением антропоцентрической модели исследования языка, которая предполагает изучение взаимосвязи языка, сознания и культуры. Особенно актуальным является исследование ментальных образов и их вербализации, так как контрастный материал помогает нам увидеть общее и национально-специфическое в культурах, особое наивное мировосприятие этноса.

В параграфе 1.1 язык рассматривается как факт культуры, во-первых, потому что он является ее составным компонентом, который мы наследуем от наших предков; во-вторых, язык – основное средство усвоения культуры; в-третьих, это важнейшее из всех явлений куль-

турного порядка, так как, если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, поскольку естественный язык имеет лучше всего разработанную модель.

Параграф 1.2 посвящен рассмотрению антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике. Центральным объектом при антропоцентрической парадигме исследования является человек, а язык рассматривается как основная характеристика человека, его важнейшая составляющая. Человеческий интеллект, как и самого человека, невозможно рассматривать вне языка и языковой способности к выражению мысли и восприятию речи.

В параграфе 1.3 рассматривается понятие языковой картины мира в современных лингвистических исследованиях. Языковая картина мира является центральным понятием лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Языковая картина мира антропоцентрична, в центре ее стоит человек и все, что с ним взаимодействует. Окружающая действительность воспринимается человеком в виде образов и реализуется при помощи языковых средств. Языковая картина мира обладает национальной спецификой, которая наиболее ярко выражается при помощи идиоматических выражений. Концепт является фрагментом языковой картины мира.

В параграфе 1.4 рассматривается концепт как категория лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. При множестве подходов к термину «концепт» существует единодушное принятие его как ментальной сущности. В данном исследовании мы придерживаемся лингвокультурологического подхода и понимаем под концептом, как и Ю. С. Степанов, «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» или «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2001, с. 43].

Вслед за С. Г. Воркачевым мы считаем, что «основной лингвокультурологический смысл появления термина «концепт» – его способность отражать в своей семантике национальный менталитет как совокупность мировоззренческих и поведенческих особенностей этноса и национальный характер как относительно устойчивый и целостный склад душевной жизни языковой личности, определяющий ее качественное своеобразие – ее этос» [Воркачев, 2004, с. 113].

В параграфе 1.5 рассматривается структура лингвокультурного

концепта и методика его описания. Концепт имеет сложную структуру, хотя она не может быть определена как четко сформировавшаяся и жесткая. В данном исследовании мы опираемся на методику описания концепта В. И. Карасика, который выделяет в его структуре ценностную, образную и понятийную стороны. Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые органами чувств характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые иногда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива [Карасик, 2004, с. 8]. На наш взгляд, методика исследования концепта, основанная на выявлении вышеупомянутых сторон в структуре концепта, позволяет выявить национально-специфическое в его содержании.

В главе 2 «Национально-специфическое содержание эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в сопоставлении с русскими «судьба», «счастье» и «душа»» описываются представления эвенков о *маин*, *куту* и *оми* в сопоставлении с их русскими эквивалентами «судьба», «счастье» и «душа», исследуются средства вербализации эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в сопоставлении с русскими «судьба», «счастье» и «душа».

В параграфе 2.1 выделяются идеографические рубрики языковой картины мира эвенков.

В идеографических рубриках языковой картины мира эвенков можно заметить, что природная составляющая в ней преобладает над другими компонентами. Кроме того, она пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. В языковой картине мира эвенков человек не рассматривается отдельно от природы, он является ее частичкой. Это обусловлено кочевым образом жизни эвенков, особенностями хозяйства охотников, оленеводов, рыбаков. И такие понятия, как *маин* (судьба), *куту* (счастье) и *оми* (душа), в языковом сознании эвенков неразрывно связаны со взаимоотношениями человека и природы.

В мировоззрении эвенков представления о *маин*, *куту* и *оми* взаимосвязаны. Жизнь человеку дает верховное божество *Эникэн Буга*,



имеются и другие варианты его названия – *Эксэри*, *Сэвэки*. Человек рождается, имея единую душу-творение *оми*, душу-тень *һанянь*, телесную душу *бэен* и душу-судьбу *маин*. Далее в зависимости от поведения человека (*илэ*) верховное божество посылает ему охотничье счастье *сицкэн* и общечеловеческое счастье *куту*. Если человек живет, соблюдая *иты* (нравственно-этический закон) и *одё* (запреты-табу), тогда верховное божество пошлет ему *сицкэн* и *куту*. Схематично это представлено так:

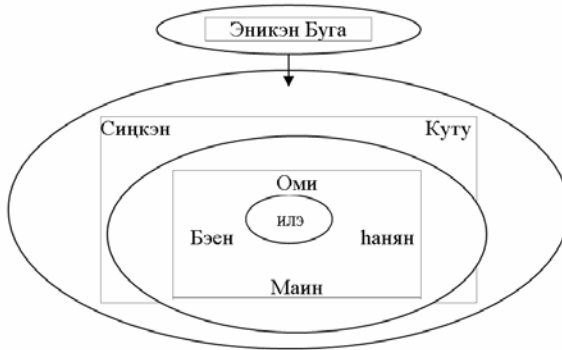


Схема 1. Взаимосвязь представлений о *маин*, *куту* и *оми* в мировоззрении эвенков

Данная схема показывает взаимосвязь представлений, которые возникли еще в глубокой древности. Эта взаимосвязь обусловлена, прежде всего, шаманизмом и анимистическими воззрениями эвенков.

При изучении вопросов взаимосвязи языка и культуры одним из приоритетных направлений современной лингвистики является исследование и описание концептов как фрагментов картины мира.

В параграфе 2.2 рассматривается представление эвенков о *маин* в сопоставлении с его русским эквивалентом «судьба».

Представления о судьбе в мировоззрении эвенков являются одними из древнейших религиозных верований, формирование которых прошло под воздействием шаманизма и анимизма.

В языческих представлениях эвенков и русских имелись божества, которые управляли судьбами людей. На наш взгляд, в эвенкийской культуре таким божеством является *Маин*. Это верховное божество управляет судьбами людей и отвечает за удачу на охоте. Охота является основным видом деятельности эвенков, поэтому неудачи и удачи на

охоте они связывают с волей верховного божества. В культуре русских земледелие являлось основным типом хозяйства, и в отличие от эвенков понятие судьбы и счастья они изначально связывали с хорошим урожаем. Поэтому рождались представления о всемогущих, грозных и непостижимо капризных божествах неба, от воли которых зависела жизнь земледельца. Если в русской культуре основным типом экономики было земледелие, то в эвенкийской культуре охота всегда была главной отраслью хозяйства, поэтому верховное божество *Маин*, согласно мифологическим верованиям эвенков, держит в руках нити жизни людей, животных и растений и посылает *сиңкэн* (охотничье счастье, или охотничья удача). Таким образом, основной тип хозяйства повлиял на формирование представлений о судьбе в культуре обоих этносов.

В параграфе 2.3 проводится исследование эвенкийского концепта «маин/судьба» в сопоставлении с русским «судьба».

В эвенкийском языке судьба обозначается словами *маин*, *бини* [Василевич, 2005, с. 192]. В эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой *бини* – жизнь, существование [Мыреева, 2004, с. 85].

Вслед за В.И. Карасиком мы считаем, что для исследования лингвокультурного концепта необходимо выделить три компонента в его структуре: понятийную, образную и ценностную составляющие [Карасик, 2004, с. 109]. Следует отметить, что эти составляющие взаимосвязаны и взаимозависимы. Для исследования данных компонентов в структуре эвенкийского концепта «маин/судьба» привлекается лексикографический материал, тексты, записанные от информантов, фразеологизмы и поговорки, а также некоторые фольклорные и этнографические материалы.

Понятийная составляющая концепта «маин/судьба» конституируется набором лексических единиц, представленных в лексикографических источниках. Понятийный компонент эвенкийского концепта «маин/судьба» рассматриваем, используя данные двуязычных словарей и тексты, записанные от носителей эвенкийского языка.

Именем исследуемого концепта может служить лексема *маин*, значение которой в эвенкийско-русском словаре А. Н. Мыреевой дается таким образом: *маин* I определяется как дух – хозяин Верхнего мира, хозяин душ человеческих, святой, дух – хозяин зверей; охотничье счастье; душа, а значение *маин* II означает неудачу (на охоте, при стрельбе) [Мыреева, 2004, с. 351]. Так, выделяются следующие понятийные признаки эвенкийского концепта «маин/судьба»: 1) наличие высшей персонифицированной силы (имеет божественное происхождение);

2) эта высшая сила влияет на ход событий в жизни человека (в частности на успех в охоте); 3) человек не в силах повлиять на решение этого высшего божества; 4) удача на охоте; 5) неудача на охоте; 6) душа человека.

К ядерному признаку исследуемого концепта можно отнести соотнесенность со значениями «жизненный путь», «будущее».

Ценностная составляющая, которая является определяющей для выделения концепта, формируется различными оценками. В ценностную составляющую концепта «маин/судьба» входит природный фактор. В структуре эвенкийского концепта «маин/судьба» отсутствует противопоставление человека и природы. Вся жизнь эвенка проходит в соответствии с процессами, происходящими в природе, судьба эвенка находится в руках природы, которая диктует условия жизни, правила поведения и выживания.

Исследование образной составляющей концепта помогает глубже понять национально-специфическое в структуре концепта. В ходе анализа текстов, записанных от информантов, нами были выделены следующие образные компоненты эвенкийского концепта «маин/судьба»: *маин* – путь, дорога, *маин* – нить, веревка, *маин* – текст.

Далее обращаемся к данным анализа сочетаемости лексем *маин*, *һокто*, *уһи* (используются тексты, записанные от информантов). Приведем типичные примеры сочетаемости лексемы *маин*: *маичи бэе* – счастливый человек (досл. человек, имеющий счастье, удачу); *маина ачин бэе* – несчастливый человек (человек, не имеющий счастье, удачу); *маина баками* – найти счастье, удачу; *маиндула һиңкэлэми* – обращаться к верховному божеству Маин за счастьем, удачей; *маин долдыдяран* – верховное божество Маин слышит; *маин садерэн* – верховное божество Маин знает; *маин ичэтчэрэн* – верховное божество Маин видит. Таким образом, анализ сочетаемости лексемы *маин* с глаголами указывает на то, что *маин* – это живое существо, которое дает человеку судьбу, счастье, знает все о жизни человека и распоряжается ею. *Маин* также предстает в образе некоего предмета, которым человек может обладать.

Рассмотрим сочетаемость лексемы *һокто*: *һоктоли гиркудями* – жить (досл. идти по дороге); *һоктодук буруми* – сойти с жизненного пути, оступиться, плохо жить (досл. упасть с дороги); *эру һокто* – плохая жизнь, судьба (досл. плохая дорога); *ая һокто* – хорошая жизнь, судьба (досл. хорошая дорога); *һоктово ичэми* – посмотреть в будущее, погадать (досл. посмотреть дорогу). О будущем эвенк может сообщить: *Элэ минни һокто олус эру бимали.* – Жизнь, судьба моя может быть

плохой (досл. дорога моя может быть плохой); *Кэ, ьоктос ая бигин.* – Чтобы жизнь была хорошей (т.е. чтобы все было хорошо в будущем, досл. чтобы дорога была хорошей). Анализ сочетаемости лексемы *ьокто* с глаголами показывает, что *ьокто* – жизненный путь, на котором можно оступиться или, наоборот, идти прямо, с уверенностью. Сочетаемость с прилагательными показывает качество этого жизненного пути.

Образный компонент «нить, веревка» в структуре исследуемого концепта можно наблюдать на примере устойчивых выражений: *Уьикэнин урумкун бичэ.* – Это ему на роду было написано (досл. веревка его короткой была) [Варламова, 2004, с. 75]. О возможности поправки судьбы с помощью шамана говорят: *Уьиви сирада.* – Увеличить длину жизненной нити-веревки. Если вдруг умирает молодой человек, то эвенки обычно говорят, что его потянули умершие родные, неправедно жившие: *Уьикэндукин танчал еда-ка.* – За его нить жизни потянули за собой, либо отмечают: *Дялил анидуктын илмактал сэмдерэ.* – Из-за грехов родственников молодые умирают [Варламова, 2004, с. 84].

Анализ фольклорных текстов, текстов художественной литературы, паремий, а также лексикографических источников показал, что в эвенкийской лингвокультуре образуются следующие значения лексемы «*маин*»: *маин* – судьба; *маин* – нить; *маин* – божество; *маин* – жизнь; *маин* – счастье; *маин* – несчастье.

Таким образом, концепт «судьба», являясь ключевым для языковой картины мира эвенков, обладает лингвоспецифичностью. На формирование концепта *маин* в эвенкийском языке повлияли, прежде всего, шаманизм и анимистические представления.

Общими для эвенкийского и русского сознания являются образы «нить», «связь с высшими силами». Для обеих лингвокультур характерна концептуализация судьбы как некоего живого существа, значительно более сильного по сравнению с человеком.

Мировоззренческий концепт «судьба» в эвенкийском и русском языках присутствует в мифологических, религиозных и этических системах, составляет ядро национального и индивидуального сознания. Концепт «судьба» и универсален, и национально специфичен. Общими для эвенкийского и русского языков являются следующие значения концепта «судьба»: «предопределенность», «стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека», «высшая сила, божья воля», «будущее, то, что произойдет». Изучаемый концепт в двух исследуемых лингвокультурах пересекается с концептами «время», «жизнь», «смерть», «будущее», «счастье» и др., в результате чего образуется ак-

сиологическая сфера концепта, предопределяющая его культурную значимость.

В параграфе 2.4 рассматриваются представления эвенков о *куту и сиңкэн* в сопоставлении с их русским эквивалентом «счастье».

Счастье эвенка зависит от решения *Буга, Маин, Хэвэки*. Так, согласно словарю желтулакского говора эвенков Амурской области Б. В. Болдырева, *Буга* – это: 1) местность, страна, родина, земля; 2) место; 3) мир, вселенная, свет; 4) природа; 5) небо [Болдырев и др., 2000, с. 50]. *Буга* почитали и обожествляли.

Важным для характеристики счастья является содержание тех ценностей, которые человек считает главными для себя. Путь к счастью, т.е. к реализации ценностных установок, определяется морально-этическими нормами, которыми руководствуется человек. Поэтому анализ такого многомерного концепта представляется неполным без учета основных норм поведения в традиционном эвенкийском обществе: *иты* (нравственно-этический закон) и *одё* (запреты-табу). *Иты и одё* пронизывают все сферы жизни эвенков и в первую очередь проявляются в любви к природе. Счастье как высший смысл жизни видится эвенком в своеобразном возвращении к первоизданной природной чистоте и гармонии.

Таким образом, для того чтобы быть счастливым, эвенк должен следовать правилам, предписанным свыше (природой).

Причины неудач и несчастий эвенк видит в своем собственном поведении, в своих злоупотреблениях по отношению к земле и природным благам.

Эвенки, занимаясь охотой, рыболовством и кочуя, как и в древние времена, остаются жить в природном окружении. Мировоззренческие установки на мир остались теми же: бережное отношение к природе как живому миру, населенному живыми существами. До настоящего времени у эвенков соблюдаются все запреты по отношению к диким животным.

Олицетворение, одушевление и персонификация природы – то, что еще называется анимистическим мировоззрением, – ключевая составляющая традиционного мировоззрения эвенков.

По мнению Б.А. Рыбакова, «главным, первенствующим в религиозных действиях древнего славянина-земледельца было обращение к Природе, к макрокосму во всех его проявлениях, так как именно от этого зависело его существование» [Рыбаков, 1987, с. 133]. Древнему земледельцу нужно было, прежде всего, воздействовать на природу, воззвать к ее вегетационной мощи, обратиться к различным «прощени-

ям», священным деревьям, к водным источникам – родникам, кладезям, студеницам, к полям в процессе вспашки, сева и во время вызревания драгоценного урожая. Помимо этих вполне конкретных объектов природы, где симильная магия просматривается очень легко, существовало еще почитание гор и холмов, связанное с обобщением природы, с теми рожаницами и Родом, которые управляли природой в целом, управляли ею с неба, на котором находились.

В параграфе 2.5 исследуется эвенкийский концепт «куту/счастье» в сопоставлении с русским «счастье».

Для исследования понятийной, образной и ценностной составляющих в структуре эвенкийского концепта «куту/счастье» привлекается лексикографический материал, тексты, записанные от информантов, фразеологизмы и поговорки, а также фольклорный и этнографический материалы.

Изучение словарных статей всех лексем, входящих в семантическое поле концепта «куту/счастье», позволяет заключить, что в качестве имени концепта может выступить слово *куту*: оно имеет несколько значений, среди которых первым является «счастье». Так, в эвенкийско-русском словаре А. Н. Мыреевой *куту* – счастье, удача, благополучие. Отсюда, *кутуктура* – счастливый, *Токко-эникэн* – *кутуктура бира* (Токко-матушка – счастливая река). *Кутучи* – счастливый, удачливый, благополучный [Мыреева, 2004, с. 322].

Лексема *куту* имеет два деривата. Первое производное слово – *кутучи* 1) счастливый; *кутучи илэ* «счастливый человек»; 2) благополучный, благоденствующий. Второе производное – *кутучит* 1) счастливо; *кутучит нэнэкэл* – счастливо пути (досл. счастливо иди); 2) благополучно.

*Куту* имеет синоним *сиңкэн*. *Сиңкэн* имеет три деривата: *сиңкэчи*, *сиңкэлэвун*, *сиңкэлэтми*. Рассмотрим каждое из указанных слов. *Сиңкэчи* – счастливый (на охоте), удачливый на охоте (досл. имеющий охотничье счастье). *Сиңкэлэвун* – камлание перед охотой, обряд добывания охотничьего счастья. *Сиңкэлэтми* – камлать перед промыслом (добывать охотничье счастье).

Таким образом, в эвенкийской языковой картине мира существуют охотничье счастье и счастье общечеловеческое.

Лексикографический материал, тексты, записанные от информантов и фольклорные тексты, примеры из художественной литературы дают основание выделить понятийную составляющую эвенкийского концепта «куту»: благосклонность верховного божества, воплощающего природу по отношению ко всему живому, при этом человек воспри-

нимается наравне с животными, птицами, насекомыми, он – частичка земли (*бэе – дуннэ токтан*, досл. человек – земли соринка).

Расширить набор признаков концепта «куту/счастье» позволит контекстуальный анализ сочетаемости его языковых репрезентантов *куту*, *сиңкэн* и *маин* с другими лексическими единицами. Рассмотрим сочетаемость репрезентантов концепта «куту/счастье» с глаголами. Анализ материала показывает, что наиболее употребительны глаголы: *бими* – быть (*куту бисин* – есть счастье удача; *сиңкэн бисин* – есть охотничье счастье,); *гэлэми* – просить, умолять, требовать, желать (*кутуя гэлэми* – просить счастье, удачу; *сиңкэнмэ гэлэми* – просить охотничье счастье, удачу); *буми* – давать, дарить (*кутуя буми* – давать счастье, удачу; *сиңкэнмэ буми* – давать охотничье счастье, удачу); *туксами* – убежать (*куту туксаран* – счастье убежало; *сиңкэн туксаран* – убежало охотничье счастье); *суруми* – уходить (*куту сурурэн* – счастье ушло; *сиңкэн сурурэн* – охотничье счастье ушло); *эмэми* – приходиться (*куту эмэрэн* – счастье пришло; *сиңкэн эмэрэн* – охотничье счастье пришло); *дявами* – ловить (*кутуя дявами* – ловить счастье; *сиңкэнмэ дявами* – ловить охотничье счастье, удачу); *аксами* – обидеться, рассердиться (*сиңкэн аксаран* – охотничье счастье рассердилось); *аливми* – вручить (*кутуя аливми* – вручить счастье кому-либо; *сиңкэнмэ аливми* – вручить охотничье счастье кому-либо); *мучуми* – вернуть (*кутуя мучуран* – вернулось счастье; *сиңкэнмэ мучуран* – вернулось охотничье счастье); *бодоми* – следовать (*куту бододёрон* – счастье следует за кем-либо; *сиңкэн бододёрон* – охотничье счастье следует за кем-либо) и т.д. Сочетаемость ключевых репрезентантов концепта «куту» с глаголами (обладание, бытие, дарение или утрата) указывает на то, что *куту*, *сиңкэн* есть дар верховного божества, воплощающего природу. Оно воспринимается также как живое существо: может убежать, прийти, уйти, обидеться, рассердиться и т.д. Эту высшую ценность нужно постоянно заслуживать, прежде всего, соблюдая *иты* и *одё* (запреты-обереги). Они выражают экосознание эвенков, их бережное отношение к природе: растительности, диким животным, к рекам, горам, земле и т.д. *Иты* и *одё* представляют собой рекомендации правильного поведения в эвенкийском обществе. Эвенки верят, что соблюдение их принесет им счастье. Само слово *одё* образовано от глагола *одёми*, первое значение которого «беречь, жалеть», следовательно, *одё* – бережливость, запрет, оберег, табу [Мыреева, 2004, с. 455]. *Иты* – заповеди общечеловеческого содержания, оставленные *Буга*. Если эвенк не будет следовать данным правилам, то счастье покинет его. Так, путь к счастью для эвенка лежит через уважение, почитание старших и бе-

режное отношение к природе. Счастье для эвенка заключается в гармонии с естественным миром. Счастье в эвенкийской лингвокультуре не есть некий пассивно получаемый «подарок судьбы». Оно нуждается в том, чтобы человек постоянно подкреплял его своими поступками.

В ценностную составляющую концепта «куту/счастье» входят все ценности и нормы поведения человека, предписанные укладом данного сообщества. Ценностную составляющую исследуемого концепта рассмотрим и на примере паремий. Эвенкийские пословицы, включающие лексемы *сиңкэн* и *куту*, выражают нормы поведения в эвенкийском обществе.

Смысл таких высказываний сводится к суждению «следует / не следует делать что-либо», следствие невыполнения этих правил – отсутствие *куту*. *Сагдылду белэңнэкэл дүлэски инни ая, кутучи бидеңэн.* – Старым людям помогай, жить будешь хорошо, счастливо. *Бэюнэ вами гирамналван гуликал, сиңкэн урундеңэн.* – Добыв дикого оленя, кости обязательно сложи на *гулик* (сооружение для хранения костей), а то удача уйдет. *Элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал, сиңкэн урундеңэн.* – Добыв зверя, обязательно поделись, а то удача уйдет. *Оллол гирамналватын аят нэңнэкэл, ороп эктын туһара, адыл маявки, олло Гиңкэнин аксавки.* – Кости рыб после еды не бросай и не давай по ним топтаться оленям: дух охоты *Гиңкэн* обидится и рыба в твои сети перестанет попадаться.

Таким образом, рассмотренные паремии доказывают, что природный фактор в эвенкийской национальной традиции является ценностной составляющей концепта «куту/счастье».

В русской культуре любовь (а также любовь/страсть) является важным компонентом концепта «счастье». Эвенкийская лингвокультура отличается от русской. Анализ паремий не дает основания для включения компонента *любовь* в содержание концепта «куту/счастье». Так, нами не найдены устойчивые обороты, показывающие, что чувства между мужчиной и женщиной составляют «эвенкийское счастье». Это, на наш взгляд, особенность отражения концепта «куту/счастье» в языковой картине мира эвенков. В эмоциональной сфере традиционных эвенков любовь, эквивалентная страсти, отсутствует. Так, «любовь/страсть» не является компонентом эвенкийского концепта «куту/счастье». Остановимся на главном отличии, которое определяет направленность культуры. Этническая культура эвенков принадлежит к закрытым типам культур с точки зрения ее направленности на внешнюю среду. Самообладание – одна из главных черт, составляющих основу эвенкийского этикета. Если человек в сложной ситуации начинает



выражать гнев или в счастливые моменты своей жизни бурно радуется, то на него смотрят как на недостойного. Чрезмерное проявление эмоций не приветствуется окружающими и доставляет им беспокойство. В эвенкийской традиционной культуре не следует говорить о сокровенном, о личных чувствах, признаваться в любви, это считается неприличным. Это табу в эвенкийской культуре. Возможно, поэтому этот главный в западной культуре компонент концепта «счастье» отсутствует в пословицах, поговорках, фразеологизмах эвенкийского языка.

Анализ текстов, записанных от информантов, и паремий показал, что в сознании эвенков материальные составляющие (деньги, машина, золото и т.д.), так же как и любовь/страсть, не являются необходимым атрибутом счастья, часто счастье отождествляется с удачей, везением.

Таким образом, в лингвокультурном концепте «куту/счастье» выделяются такие компоненты, как «природа», «охотничья удача», «потомство», «оленье поголовье», «родная земля», которые составляют его смысловое ядро и выполняют функцию концептуальных признаков, участвующих в процессе реализации ключевых лексем. Эти признаки являются основой ценностной составляющей исследуемого концепта.

Обратимся к образной составляющей эвенкийского концепта «куту/счастье».

Счастье в сознании эвенков предстает в образе насекомого, его нужно ловить (*сиңкэнмэ дявами* – счастье ловить).

Анализ фольклорных, художественных текстов, пословиц и поговорок позволяет выделить следующие элементы в содержании исследуемого концепта в эвенкийском языке: *сиңкэн*, *куту* – данное свыше, оно находится в руках верховного божества *Буга*; *сиңкэн* – душа зверя; *сиңкэн*, *куту* может прийти или, наоборот, уйти, т.е. человек неспособен контролировать *сиңкэн*, *куту*; *сиңкэн*, *куту* можно потерять; *сиңкэн*, *куту* может быть дано только с рук *Буга*.

Концепты «судьба», «счастье» имеют как универсальные, так и национально-специфические признаки. Как показал наш анализ, на начальном этапе на формирование концептов «судьба», «счастье» в русской лингвокультуре оказало существенное влияние язычество, в эвенкийской – шаманизм. Язычество у славян составляло основу мировосприятия. Оно охватывало всю сферу духовной культуры и значительную часть культуры производственной, земледельческой, собирательской, т.к. эта культура вся была проникнута убежденностью ее носителей в постоянном присутствии и участии сверхъестественной силы во всех трудовых процессах.

Эвенки убеждены, что в охотничьем промысле и разведении оленей

участвует некая сверхъестественная сила, поэтому охотничью удачу и неудачу они связывали с волей верховного божества. Этим обусловлено появление в эвенкийской лингвокультуре понятия охотничьего счастья *сиңкэн*.

В параграфе 2.6 рассматриваются представления эвенков об *оми* в сопоставлении с ее русским эквивалентом *душа*.

Наиболее архаические представления о душе сохранились у эвенков и других народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, основу религиозного мировосприятия которых составляет шаманизм.

Согласно древним воззрениям эвенков, все живое и неживое имеет свою душу. Поэтому эвенки четко различают, что все одушевленные предметы могут иметь душу-*оми* (*омичи бими*), а все явления природы, способные двигаться и распадаться, – душу-*мусун* – силу движения (*мусучи бими*)» [Василевич, 1969, с. 224–225]. Эти представления о *мусун* являются наиболее древними. Силой движения обладают почти все явления природы, находящиеся в движении. *Мусучи* бывают горы, поскольку они подвергаются выветриванию и последующему распаду (обвалы, осыпи).

Представления о душе в русском сознании берут свое начало еще в древнем язычестве. Душа в то время осознавалась как тончайшая духовно-телесная сущность человека. Душу представляли как силу, определяющую состояние, жизнеспособность человека и руководящую его мыслями, чувствами, поступками.

Представления о душе в традиционных мировоззрениях эвенков и русских можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1

Представления о *душе* в традиционных мировоззрениях эвенков и русских

Языческие представления о душе	
Природа	
Материальные представления о душе	
Эвенки	Русские
Дыхание	
<i>Эриксэ</i> (Дыхание). Исчезновение дыхания ( <i>эриксэ</i> ) одновременно со смертью – уход <i>эриксэ</i>	Об умершем говорят: «Он испустил последнее дыхание», «последний дух»
Ветер ( <i>эдын</i> ) – дуновение доброго божества <i>Һэвэки</i>	Ветер – дыхание божества

Зооморфический образ души	
птица	
Души нерожденных детей представляются в образе маленьких птичек ( <i>читиче-чиче</i> ), которые находятся на звезде <i>Чал-бон</i> (Венера); души шаманов в образе птенцов перелетных птиц: орлов, лебедей, гагар, куликов	После смерти душа пребывает в образе птиц, например: белый голубь – душа незаконнорожденного младенца, кукушка – вообще душа умершего
летучее насекомое	
Душа дикого зверя в образе насекомого <i>сицкэн</i> , чтобы добыть зверя нужно поймать это насекомое и сжечь. Души зверей посылает <i>Эникэн Буга</i>	Муха, пчела, бабочка
Антропоморфический образ души	
человек	
Антропоморфные существа	Душа – малый ребенок
тень	
<i>Ганян</i>	Сверхъестественные существа <i>навье</i> ( <i>нави, навь</i> ) в образе тени
Местопребывание «живой» души	
<i>Иллэ</i> (тело), местопребыванием души у животных являются наиболее развитые органы чувств: у пушных зверей – нос, у оленей – челюсти и мелкие копытца, у медведя – лапа и когти. Считается, что эти части животных приносят охотничье счастье ( <i>сицкэн</i> ), поэтому их надо хранить	Тело, плоть
Местопребывание души после смерти	
<i>Буни</i> (земля умерших предков)	Земля отцов ( <i>Навь</i> ), <i>ирий</i>

В параграфе 2.7 проводится исследование эвенкийского концепта «оми/душа» в сопоставлении с русским «душа».

Концепт «оми/душа» является одним из ключевых в мировоззрении эвенков. В эвенкийском языке отсутствует понятие о единой душе, русскому слову «душа» соответствует несколько понятий (*оми, ганян, бэен, маин*), объединенных общим значением «духовное начало в человеке». Это объясняется сложностью представления о душе в сознании эвенков.

Эвенкийский концепт *оми* вербализуется в следующих словах: *оми, ганян, бэен, маин, дял*. Рассмотрим значения данных лексем: *ганян* – 1) тень, отражение; 2) душа. *Ганякан* (суффикс *кан* – уменьшительно-ласкательный) – 1) предок; 2) душа человека после смерти [Мыреева,

2004, с. 544]. *Бэе* – 1) тело; 2) человек; 3) мужчина [Василевич, 1958, с. 73].

Базовая лексема-репрезентант исследуемого концепта *оми*: характеризуется частотностью в речи и общеизвестностью, имеет несколько значений, среди которых первым является значение «душа». Обратимся вначале к лингвистическим толкованиям слова *оми* в эвенкийском языке. В эвенкийско-русском словаре значение лексемы *оми* объясняется следующим образом: 1) душа; 2) изображение человека из камня и глины; 3) синица [Василевич, 1958, с. 322].

Душа в эвенкийском языке может обозначаться словом *дял*: 1) мысль, соображение, сознание; 2) мнение; 3) ум, разум, мудрость [Мыреева, 2004, с. 217]. Душа в языковом сознании эвенков мыслится как разум, мысль: *Бэе дялин, омин умукэн-дэ*. – Ум человека и душа – одно и то же.

Рассмотрим сочетаемость ключевой лексемы концепта «оми/душа» с глаголами. Наиболее употребительными являются глаголы: *бими* – быть (*оми бисин* – душа есть, *омичи бими* – быть с душой, суффикс *чи* – принадлежность); *буми* – давать (*омива буми* – давать душу); *надеми* – класть (*омива надеми* – класть душу куда-либо); *элгэми* – вести на поводу, за руку (*оми элгэдерэн* – душа ведет за руку кого-либо); *оломи* – вздрогнуть от неожиданного крика, стука; удивляться от неожиданного известия; испугаться (*оми олодёңон* – душа испугается), *деври* – есть (*омива деври* – съест душу) и др.

Сочетаемость ключевой лексемы-репрезентанта концепта «оми/душа» с глаголами указывает на понятийный признак исследуемого концепта «жизненная сила, дарованная верховным божеством, воплощающим природу». Кроме того, *оми* выступает в роли предмета, ее можно украсть, положить, дать и т.д.

Основными образными составляющими эвенкийского концепта «оми/душа» оказываются следующие: птица, воздух, огонь, живое существо (может обидеться, испугаться, уйти и т.д.).

Анализ сочетаемости ключевой лексемы-репрезентанта исследуемого концепта показывает, что душа имеет свойства живого существа: она может обидеться, рассердиться (*оми аксаран* – душа обиделась), испугаться (*оми олорон*), вести за руку (*оми элгэдерэн* – душа ведет за руку кого-либо) и т.д.

Для изучения ценностных характеристик концепта «оми/душа» обратимся к пословицам. Нормы, выраженные в пословицах, отражают в значительной степени архаичную картину мира и соответствуют аксиологическим приоритетам эвенкийской лингвокультуры. Об этом

свидетельствуют следующие пословицы: *Оронмо эңнэкэл тэпурэ, орон омин олодөңон, тарит һиңкэн аксавки. Һиңкэн аксаракин ороно ачин одиңас.* – Не бей оленя, а то душа оленя обидится. Если душа оленя обидится, ты останешься без оленей; *Куңакантыки тэпкэрэ эңнэкэл, омин дэгллун дэглдеңэн, куңакан буслэ одяңан.* – Не ругай ребенка, а то душа ребенка улетит, и он будет болеть; *Куңакар сагдылва тыкунңира эңнэктын, сагдыл оми, дулбусал овкил.* – Детям нельзя ругать старых людей, их душу обижать, а то глупыми будут; *Куңаканнива оминман эңнэкэл ңэливканэ, куңакан буслэ одяңан.* – Душу ребенка не следует пугать, а то ребенок будет болеть; и т.д.

Рассматривая концепт «душа» в русском языке, можно выделить следующие образные воплощения души:

- душа – некоеместилище: *в душе* (мысленно), *опустошенная душа, заполненная душа*;
- душа – полотно (пелена, ткань): *ткань души, всеми фибрами своей души, разрывать душу*;
- душа – сосуд (стакан, ведро), емкость: *наполнять душу, оставить осадок в душе*;
- душа – огонь: *душа горит, искры души, душа остыла, тепло души*;
- душа – птица: *воспарить, встрепенуться душой*;
- душа – залог в отношениях человека со сверхъестественными силами: *заложить душу, отдать богу душу, продать душу, завладеть чьей-то душой*;
- душа – живое существо: *душа радуется, душа плачет, душа просит, живая душа, душа спит, душа гуляет.*

Таким образом, эвенкийский концепт «оми/душа» является культурно значимой единицей в эвенкийской лингвокультуре, он в своей структуре содержит как универсальные, так и национально-специфические черты, отражающие своеобразие и самобытность языковой картины мира эвенков. Национально-специфические черты эвенкийского концепта «оми/душа» обусловлены их религией – шаманизмом.

В **заключении** приводятся результаты выполненного диссертационного исследования.

Лингвокультурные концепты «судьба», «счастье» и «душа» выводят нас к области смежных с лингвистикой наук: психологии, философии, религиоведения, антропологии, этнографии, культурологии. Данные концепты отражают специфическую логику, свойственную носителям определенной лингвокультуры. Они как ментальные сущности имеют национально-специфические черты, соотносимые с мировиде-

нием, национальной культурой, обычаями и верованиями, фантазией и историей данного народа.

Детальное описание представлений эвенков о *маин*, *куту*, *сиңкэн* и *оми* в сопоставлении их с русскими эквивалентами «судьба», «счастье» и «душа» позволяет сделать следующие выводы:

1. Представления о *маин*, *куту*, *сиңкэн* и *оми* являются архаическими, они формировались под воздействием шаманизма. Данные категории присутствуют в мифологических, религиозных, этнических системах.

2. Аналогами в русской культуре им могут служить «судьба», «счастье» и «душа». Русскому слову «судьба» соответствуют эвенкийские *маин*, *бидэ*; слову «счастье» соответствуют эвенкийские *куту* (общечеловеческое счастье) и *сиңкэн* (охотничье счастье); слову «душа» соответствуют эвенкийские *оми* (душа, дух, дух-хозяин), *һанян* (тьма, душа), *маин* (дух – хозяин Верхнего мира, дух – хозяин душ человеческих, дух – хозяин зверей, охотничье счастье, душа), *бэен* (телесная душа, душа-тело), *дял* (сознание, мысль).

3. В эвенкийской лингвокультуре они составляют основу шаманского мировосприятия. Охрана душ и судеб человека находится в руках шаманов, именно они и развили в своем мировидении представления о душе (*оми*, *һанян*, *бэен*), судьбе (*маин*) и счастье (*куту*, *сиңкэн*) человека. Душа, судьба и счастье в эвенкийской лингвокультуре находятся в руках верховного божества *Буга* (мир, вселенная, небо, бог, дух), у разных групп эвенков оно имеет и другие названия (*Экиэри*, *Маин*, *Амака*, *Буга*). От *Буга* зависит весь жизненный путь эвенка: это верховное божество дает жизнь (*оми*), устанавливает нормы поведения и запреты (*иты*, *одё*), оно следит за их выполнением и определяет судьбу человека (*маин*).

4. Важную роль в формировании представлений о судьбе и счастье сыграл основной тип хозяйства. Для эвенков жизнеполагающим видом деятельности является охота, поэтому в представлении эвенков верховное божество посылает охотничье счастье *сиңкэн*. Для русских главным занятием было земледелие, поэтому закономерно появление божества, от которого зависит урожай и на благосклонность которого земледелец вынужден был надеяться.

5. Религией эвенков, их мировосприятием является шаманизм. Он охватывает всю сферу духовной культуры и значительную часть материальной. Основными видами деятельности эвенков являются охота и оленеводство. Эвенки убеждены, что в охотничьем промысле и разведении оленей участвует некая сверхъестественная сила, поэтому охот-

ничью удачу и неудачу они связывали с волей верховного божества. Этим обусловлено появление в эвенкийской лингвокультуре понятия охотничьего счастья *сиңкэн*.

Проведенное исследование лингвокультурных эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» в сопоставлении с русскими «судьба», «счастье» и «душа» позволяет сделать следующие выводы:

1. Эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» являются культурно значимыми единицами в эвенкийском языковом сознании, они имеют как универсальные, так и национально-специфические черты. Данные концепты имеют точки пересечения с русскими концептами «судьба», «счастье» и «душа».

2. Эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» сформированы под воздействием шаманизма и в отличие от русских «судьба», «счастье» и «душа» не имеют большого объема средств объективации. Это обусловлено основными чертами эвенкийского сознания – самообладание и сдержанность в эмоциях.

3. Будучи наиболее многозначными в русском языке, лексемы «душа», «счастье», «судьба» имеют самую обширную представленность как во фразеологической, так и в художественной сфере.

4. Эвенкийские концепты «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» тесно взаимосвязаны. Анализ сочетаемости лексем, репрезентирующей данные концепты с глаголами, показал, что они мыслятся носителями эвенкийского языка как данные верховным божеством, именуемым *Буга*. Это божество воплощает природу, ведь одно из значений слова *буга* – природа – и между ними очень сложно провести четкую границу. Они взаимозависимы и взаимообусловлены. Природная составляющая является главной в структуре этих концептов. Взаимосвязь эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа» можно представить в виде следующей схемы:



Схема 2. Взаимосвязь эвенкийских концептов «маин/судьба», «куту/счастье» и «оми/душа»

Исследование показало, что лингвокультурные концепты всегда находятся в динамике, они постоянно изменяются и наполняются новым содержанием под влиянием исторических событий и обстоятельств времени. Язык же отражает эти изменения.

Анализ языкового материала выявил, что лингвокультурные концепты «судьба», «счастье» и «душа» в своем формировании прошли длительный период от мифологических воззрений к религиозным и современным. Данные концепты сохранили признаки, присущие им на разных этапах развития. Концепты исследуются на разнообразных языковых и культурных материалах, они могут рассматриваться в русле фразеологии, метафоры, словообразования. Лингвокультурные концепты «судьба», «счастье» и «душа» имеют широкий круг контекстов, они активно функционируют в фольклорных, мифологических, религиозных, художественных текстах.

**Основные положения исследования нашли отражения в следующих публикациях автора:**

**Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах:**

1. Мальчакитова Н. Ю. Национально-специфическое содержание концептов «душа», «судьба» в языковой картине мира эвенков [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Вестник Читинского государственного университета. – 2010. – Вып. 10 (67). – С. 40–44 (0,3 п.л.).

2. Мальчакитова Н. Ю. Концепт счастье в языковой картине мира эвенков и русских [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – Сер. Филология. – Вып. 10. – С. 50–53 (0,2 п.л.).

3. Мальчакитова Н. Ю. Интерпретационное поле концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – Вып. 3 (55), т. 1. – С. 182–185 (0,2 п.л.).

**Статьи в других изданиях:**

1. Мальчакитова Н. Ю. Концепт «сердце» в русских и эвенкийских фразеологических единицах [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Студент и научно-технический прогресс. Языкознание (10-12 апреля 2007 г.) : материалы XLV Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск : Издательство Новосибирского госуниверситета, 2007. – С. 133–134 (0,1 п.л.).

2. Мальчакитова Н. Ю. Эвенкийские традиционные охотничьи обряды рода Чакигир [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Студент и научно-технический прогресс. Археология и этнография (10-12 апреля 2007 г.) : материалы XLV Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск : Издательство Новосибирского госуниверситета, 2007. – С. 127–129 (0,1 п.л.).

3. Мальчакитова Н. Ю. Концепт «душа» в языковой картине эвенков и русских [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Северная звезда 2 : сборник научных работ. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2008. – С. 118–122.



4. Мальчакитова Н. Ю. Концепт «судьба» в языковой картине эвенков и русских [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Проблемы изучения и сохранения языков и культур народов России : материалы секции XXXVIII Международной филологической конференции (16-20 марта 2009 г.). – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2009. – С. 54–58 (0,2 п.л.).

5. Мальчакитова Н. Ю. Базовые лингвоконцепты эвенкийского и русского языков [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Языковая картина мира Байкальского региона : материалы региональной научно-практической конференции (27 мая 2009 г.). – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2009. – С. 68–76 (0,5 п.л.).

6. Мальчакитова Н. Ю. Ключевые концепты в языковой картине мира эвенков [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Студент и научно-технический прогресс. Языкознание (10-14 апреля 2010 г.) : материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск : Издательство Новосибирского госуниверситета, 2010. – С. 167–168 (0,1 п.л.).

7. Мальчакитова Н. Ю. Лексико-семантическое поле концепта «куту/счастье» в эвенкийском языке [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : сборник материалов XII Молодежной международной научно-практической конференции (2 ноября 2012 г.). – Новосибирск : Издательство НГТУ, 2012. – С. 138–142 (0,3 п.л.).

8. Мальчакитова Н. Ю. Представление о счастье в эвенкийской национальной традиции [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики : материалы межвузовского научно-методического семинара (19 ноября 2012 г.). – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. – Вып. 5. – С. 49–55 (0,4 п.л.).

9. Мальчакитова Н. Ю. Представление эвенков об *оми* в сопоставлении с ее русским эквивалентом *душа* [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Кирилло-Мефодиевские чтения – 2013 : материалы республиканской научно-практической конференции (24 мая 2013 г.). – Улан-Удэ, 2013. – С. 120–129 (0,6 п.л.).

10. Мальчакитова Н. Ю. Понятийная, образная и ценностная составляющие эвенкийского концепта «куту/счастье» [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков : материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 85-летию проф. В.И. Золхоева (6-7 декабря 2013 г.). – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. – С. 208–213 (0,3 п.л.).

11. Мальчакитова Н. Ю. Идеографические рубрики в языковой картине мира эвенков [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера : материалы всероссийской научно-практической конференции (31 октября 2013 г., Ханты-Мансийск). – Тюмень : ФОРМАТ, 2014. – С. 45–49 (0,3 п.л.).

12. Мальчакитова Н. Ю. Концептосфера эвенкийского языка [Текст] / Н. Ю. Мальчакитова // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность : материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 28 февраля 2014 г.). – Новосибирск : [Б/и], 2014. – С. 158–161 (0,25 п.л.).

Подписано в печать 23.10.14. Усл. печ. л. 1,5.  
Тираж 100. Заказ 231.

Издательство Бурятского госуниверситета  
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а  
e-mail: [giobsu@gmail.com](mailto:giobsu@gmail.com)

Отпечатано в типографии Издательства Бурятского госуниверситета  
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а